

Т.С. Хребтова

Алтайский государственный университет

**Фразеосхемная презентация субстантивного мира
в рассказах Ч. Диккенса и Э. По**

Аннотация: В статье рассматриваются особенности презентации субстантивного мира (или мира бытия), фиксированного в виде фразеосхем в рассказах Ч. Диккенса и Э. По.

The features of representation of substantive world (or the world of entity) that is fixed in this article as phraseochemes.

Ключевые слова: субстантивный мир, мир бытия, фразеосхема, Cell-анализ, деконструкция, материальная фантастичность.

Substantive world, the world of entity, phraseocheme, Cell-analysis, deconstruction, material unreality.

УДК: 821.

Контактная информация: Барнаул, ул. Димитрова, 66. АлтГУ, филологический факультет. Тел. (3852) 440834. E-mail: khrebtova_tanya@mail.ru.

Англо-американская культура XIX века представляет собой соединение двух основных литературных направлений этого столетия – английского реализма и американского романтизма. Они возникли как результат общекультурных изменений, охвативших все сферы сознания, повлиявших на мировосприятие людей XIX в. и совершивших переворот в его культуре. Оба эти направления формируются и функционируют в непосредственной связи друг с другом. Ч. Диккенс и Э. По, являясь ярчайшими представителями данных литературных направлений, воссоздают в своих произведениях особый тип мировидения англоязычного человека девятнадцатого века.

В текстовой реальности произведений Ч. Диккенса и Э. По воплощены основные элементы мира бытия (мира мифологии и мистики по Ф. Маутнеру) [Радченко, 2006], фиксированные в языковых структурах представителей англо-американской культуры девятнадцатого столетия.

Мир бытия формируется особым видением обстоятельств жизни, мировидением, которое понимается как процесс превращения чувственных знаков в основу духовного освоения фрагментов мира, в которых он делает доступной недоступную действительность. Понятие духовного освоения фрагментов мира – Zugriffe – впервые было введено в работах Л.И. Вайсгербера.

В нашей работе субъектом духовного освоения бытия является языковая система человека. Л. Вайсгербер замечал, что «исследование языка – это история освоения человеческим духом условий своего бытия» [Вайсгербер, 2004, с. 226].

В своих исследованиях Л.И. Вайсгербер опирается на лингвистические традиции В. Гумбольдта, заявлявшего идею существования языка как «неосознаваемой формы и как интеллектуальной активности, проявляющейся в актах превращения мира в мысли» [Гумбольдт, 2000, с. 8].

Результаты деятельности духовного стремления объединяются в духовную историю, которая формируется, по мнению Ф. Маутнера, исследователя, концеп-

ция которого выступила в качестве одного из источников взглядов Л. Вайсгербера, не только народным языком, но и исключительными личностями [Радченко, 2006, с. 26].

Исключительные личности, как утверждает Ф. Маутнер, не следуют принудительному правилу – языку, они рассматривают мир иным образом, «вносят в это правило крохотные изменения, ведущие впоследствии к изменениям в самой духовной истории» [Там же].

Ф. Маутнер выделяет в языке три мира – субстантивный, адъективный и вербальный, имея в виду три образа мира, три языка, которыми человек в зависимости от направления его внимания выражает свои знания об одном и том же мире [Там же, с. 529]. Истина не принадлежит ни одному из миров: они должны дополнять друг друга и помогать человеку найти ориентиры в едином мире. Миры представляют предмет мышления человека или говорения: адъективный мир Маутнер относит к миру опыта человека, субстантивный – к миру бытия, вербальный – к миру становления.

«Наряду же с *адъективным* миром (“единственно реальным миром опыта”, мира нашего чувственного опыта, высшим воплощением которого является искусство), *субстантивным* миром (“миром бытия или пространства, с которым мы познакомились как с миром мифологии или (на более высокой ступени) миром мистики”, основанном на древней вере человека в реальность или действительность абстрактных существительных; наивысшее воплощение этого мира – мистика), существует еще и *вербальный* мир, “мир становления”, условием коего является время, а наивысшим воплощением наука» [Радченко, 2006, с. 359, 366].

Субстантивный мир, или мир мистики, представляет собой мир богов и духов, мир предметов и сил, мир мифологический.

«Мистический характер повествования» свойственен для творчества и Э. По, и Ч. Диккенса. В произведениях Ч. Диккенса субстантивный мир является объектом освоения в святочном жанре повествования. В произведениях Э. По субстантивный мир раскрывается в мистических и фантастических замыслах и сюжетах.

Мистический или ирреальный тип конструирования тестовой реальности в произведениях Ч. Диккенса и Э. По предстает в виде идиоматических единиц – фразеосхем, структурирующих и формирующих текстовое пространство.

Если во фразеосхемах как наиболее оптимальных репрезентантах субстантивного мира соотносить конструирование текстовой реальности с особенностями комплексной рефлексии языковой системы на обстоятельства жизни, то в качестве подобного рода рефлексии следует выделить феномен функционального стиля. Стиль – это исторически сложившаяся и общественно осознанная совокупность приемов употребления, отбора и сочетания единиц языка. Стиль – это определенным образом сконструированная текстовая реальность.

Так выделяют, научно-публицистический стиль (конструирование текстовой реальности с помощью точной передачи элементов действительности), разговорный стиль (конструирование текстовой реальности с помощью реализации в тексте элементов индивидуального восприятия бытия), художественный стиль (конструирование разных типов реальностей в соответствии с реализацией в тексте разных типов мышления).

Ирреальный или мистический тип конструирования текстовой реальности соотносится с художественным способом вербальной реализации деятельности мышления человека.

Способность автора воссоздавать ирреальный тип действительности В. Брюсов определял как материальную фантастичность [Брюсов, 1997].

Текст, означающий материальную фантастичность с помощью фразеосхем, является, на наш взгляд, особого рода семиотическим объектом, в котором осуществляется схематизация продуктивного воображения [Кант, 1999].

Для выявления особенностей мира бытия представителей англо-американской культуры и принципов текстовой схематизации продуктивного воображения мы осуществляем анализ текстов, обладающих свойством материальной фантастичности. Характерные черты мира бытия, а, следовательно, его восприятия выявляются на основе применения в нашем исследовании Cell-анализа. Исходный постулат Cell-анализа: текст – это набор единиц, ячеек (Cells), которые организуют его, создают схему продвижения по текстовой реальности мыслящего субъекта.

Cell-анализ выявляет структурные особенности текста, способствует осуществлению процесса деконструкции мира бытия.

В качестве гипотезы нашего исследования мы выдвигаем предположение о том, что представителям англоязычной культуры XIX века, в частности, индивидуальностям Англии и Америки, свойственно «ячеистое» мышление, или «ячеистый» способ переработки сигнала, поступающего из окружающего субъекта мира ментальных сущностей в его ментальную систему (его интеллектуальные сенсоры).

Как заявляет Г. Гийом: «Язык, если можно так выразиться, овеществляет ментальное» [Гийом, 1992, с. 71]. В ментальной сфере человека расположены основные принципы существования мира бытия, которые посредством фразеосхем репрезентируются в тексте.

Проводя Cell-анализ фразеосхем, выделенных нами по особой методике в рассказах Ч. Диккенса и Э. По, мы пытаемся выявить особенности ментальной сферы представителей англо-американской культуры. Анализ субстантивного мира индивида англосаксонской и американской действительности раскрывает характер поиска ориентиров разными англоязычными сообществами, значимых и в последующем двадцатом столетии.

В качестве фразеосхем, на примере которых мы хотим продемонстрировать специфику Cell-анализа, мы избираем: «*you were born to make your fortune*» (Ч. Диккенс «The Christmas Carol») и «*took desperately to heart*» (Э. По «The Pit and the Pendulum»).

Cell-анализ состоит из семи шагов: 1) описание исторической ситуации, отраженной во фразеосхеме; 2) анализ фразеосхем лингвистического перформанса в тексте; 3) выявление принципа формирования фразеосхемой лингвистического контекста; 4) особенности создания фразеосхемой модели семиотического поведения в тексте; 5) анализ фразеосхемы с позиции структурирования ею параметров латентной истории; 6) характеристика описания фразеосхемой особенностей бытия; 7) анализ фразеосхемы с позиции передачи ею свойства практического интеллекта.

Cell-анализ фразеосхемы «*you were born to make your fortune*» из рассказа Ч. Диккенса «The Christmas Carol» позволяет сделать следующие выводы: история, отраженная во фразеосхеме, предстает как определение во времени и пространстве доминирующей позиции человеческой личности (1); парадигма «здесь-и-сейчас» предстает как способность и возможность человека в каждый данный момент времени влиять на свою судьбу и свое дальнейшее развитие (2); являясь одной из главных составных частей предложения (“*You were born to make your fortune,*” said Joe, “and you’ll certainly do it.”), фразеосхема композиционно и содержательно оформляет и обрамляет его (3); отражая один из главных способов познания мира – способ субъективного управления вещами и событиями – фразеосхема трансформирует простой текст, осложняя его использованием личностного компонента (4); исследуемая единица фиксирует процесс отражения латентной историей скрытой формы влияния человека на все происходящее в мире (5); фразеосхема указывает на то, что механизмом и регулятором явлений бытия является человек (6); через практический интеллект фразеосхема способна передавать импульсы субстантивирующего мышления в пространство текста (7).

Фразеосхема в тексте Ч. Диккенса как единица вербальной фиксации субстантивного мира указывает на особенности восприятия его человеком, создающие особый тип мировидения, характеризующийся установлением доминирующей позиции личности в процессе ее взаимодействия с миром бытия.

Cell-анализ фразеосхемы «*took desperately to heart*» из рассказа Э. По «The Pit and the Pendulum» позволяет сделать следующие выводы: историческая ситуация заключается в фиксации в определенную историческую эпоху вещей и явлений мира и человека, пропущенных сквозь призму их духовного восприятия (1); фразеосхема определяет категорию «здесь-и-сейчас как процесс приобщения всех элементов действительности в каждый данный момент времени к духовной жизни индивида (2); находясь в конце фразы (*This was a lesson which I took desperately to heart*), фразеосхема тематически и логически завершает ее, способствует ее законченности и композиционной оформленности (3); текст, содержащий в своей основе элементы внутренней, духовной жизни его создателя, превращается в совершенно особое семиотическое образование – текст-событие (4); фразеосхема характеризует латентную историю как историю, фиксирующую предметы и события действительности не в их первоначальной сущности, а пропущенные сквозь внутреннюю систему человеческого существования (5); характеризуя особенности понимания бытия, данная единица определяет его не как законченное и установившееся целое, а как развивающуюся и прогрессирующую систему, зависящую от особенностей ее восприятия человеком на духовном уровне (6); фразеосхемы, отражающие особенности мыслительных операций человека, фиксируют в тексте предметы и явления действительности, прошедшие духовную обработку индивидом (7).

Фразеосхема в тексте Э. По как единица, воплощающая в тексте субстантивный мир, отражает особенности взаимодействия его с человеком, состоящие в осуществлении духовной «обработки» элементов и структур мира бытия. Исходя из этого, мировидение человека в XIX веке представляет собой духовное осмысление окружающих реалий.

Итак, особенности мировидения представителей англо-американской культуры заключаются в способности англоязычной личности воспринимать и описывать субстантивный мир, мир бытия. Мир бытия для представителей англо-американской культуры, материализуется сквозь призму индивидуального восприятия. Субстантивный мир, воспринимаемый и познаваемый человеком, вербализуется и программируется как показывает анализ источников ментальных данных – текстов Ч. Диккенса и Э. По, характеризуемых материальной фантастичностью, в текстовой реальности в виде фразеосхем, создающих в тексте сеточную структуру его элементов.

Литература

- Брюсов В.Я. Собр. соч.: В 7 т. М., 1977. Т. 6.
Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа. М., 2004.
Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М., 1992.
Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 2000.
Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Метафизические начала естествознания. М., 1999. С. 1281–1520.
Радченко О.А. Язык как мирозидание: Лингвофилософская концепция негумбольдтианства. М., 2006.